

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ЧАСТНОГО ПРАВА
ИМЕНИ С.С.АЛЕКСЕЕВА
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

103132, Москва, ул. Ильинка, д. 8, стр. 2

Телефон 606-36-39, факс 606-36-57

E-mail: info@privlaw.ru

" 15 " марта 2019 г.

№ 162-08

УТВЕРЖДАЮ

и.о. председателя совета (руководителя)

Исследовательского центра частного права

д.ю.н., профессор Л.Ю. Михеева

Л.Ю. Михеева

М.П.

ОТЗЫВ

ведущей организации на диссертацию Гутникова Олега
Валентиновича

на тему «Гражданско-правовая ответственность в отношениях,
связанных с управлением юридическими лицами», представленную
на соискание ученой степени доктора юридических наук по
специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское
право; семейное право; международное частное право

В диссертационный совет

Д 503.001.01

при Федеральном государственном научно-исследовательском
учреждении «Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»

Улица Б.Черемушкинская, д.34, Москва, 117218

1. Актуальность темы исследования.

Корпоративное право продолжает оставаться одной из самых динамично развивающихся областей частного права России. Однако следует признать, что изменение российского законодательства в этой

сфере не всегда представляет собой результат продуманных и обоснованных доктринальных решений, отражающих в полной мере потребности экономических отношений. Так называемое корпоративное законодательство не лишено изъянов и прочих погрешностей, на многие из которых О.В. Гутников в своем диссертационном исследовании попытался обратить внимание. Так, автор справедливо подмечает, что зачастую в регулировании отдельных организационно-правовых форм существуют неоправданные различия (в частности, применительно к ответственности в корпоративных отношениях), что обусловлено в том числе отсутствием в науке должного концептуального подхода к тем или иным институтам корпоративного права. Он подчеркивает, что необходимы унификация норм о корпоративной ответственности и их единообразное применение в случаях со всеми юридическими лицами независимо от их организационно-правовой формы. Очевидно, что нестабильность законодательства и его противоречивость, не способствуя формированию четких правил игры для участников гражданского оборота, неизбежно влекут за собой негативные для социально-экономических отношений последствия.

В ходе законопроектных работ по совершенствованию корпоративного законодательства был достигнут целый ряд компромиссных решений, которые, увы, не представляют собой закономерных выводов из опорных идей отечественной доктрины. В то же время, к большому сожалению, научное осмысление многих проблем корпоративного права существенно запаздывает, а то и вовсе отсутствует, что лишает законодателя необходимых ориентиров.

Автор диссертационного исследования взял на себя смелость описать чрезвычайно широкую область корпоративных правоотношений – ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическим лицом. Безусловно, обозначенная тема вызывает значительный интерес не

только с точки зрения теории гражданского права, но и с позиции практики применения законодательства. Постановка вопросов, названных в диссертации, весьма своевременна в свете начатой в стране масштабной реформы законодательства о юридических лицах, затормозившейся на стадии приведения отдельных законов о юридических лицах в соответствие с новой редакцией главы 4 Гражданского кодекса Российской Федерации. Как справедливо отмечает автор, проблематика юридической ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, является центральной в законодательстве о юридических лицах, поскольку принцип раздельной имущественной ответственности юридического лица и его участников (учредителей) перед кредиторами требует особой защиты как частных, так и публичных интересов при выступлении юридического лица в гражданском обороте.

Кроме того, вопросы ответственности в корпоративных отношениях являются предметом каждодневных споров в правоприменительной практике и составляют без преувеличения основной нерв корпоративного права. Тем временем уровень научной дискуссии по этому вопросу оставляет желать лучшего, и судебная практика вынуждена искать решения порой при отсутствии должной методологической поддержки со стороны науки частного права.

Предпринятая О.В. Гутниковым попытка научного осмысления судебной практики и законодательного материала, как и проведенный им анализ сложившихся в отечественной цивилистике подходов, являются чрезвычайно актуальными. В поиске оптимального решения правовая наука свободна от текстов законов и имеющихся решений. В этом и состоит ее ценность – она способна направлять развитие права в правильное русло.

Поскольку судьба бизнеса неизбежно связана с прогнозированием рисков, в том числе рисков наступления гражданско-правовой

ответственности, научные исследования в этой области приобретают большое значение, так как могут способствовать достижению более высокого уровня правовой определенности в экономических отношениях, от чего в свою очередь напрямую зависят развитие добросовестного предпринимательства и улучшение так называемого инвестиционного климата в стране.

В этой связи чрезвычайно актуальным представляется исследование общей категории гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, а также определение ее характерных черт и особенностей как в целом, так и применительно к рассматриваемым в работе отдельным видам такой ответственности.

Таким образом, избранная О.В. Гутниковым для диссертационного исследования тема обладает актуальностью, теоретической значимостью и потенциальной практической ценностью в контексте обеспечения справедливого разрешения корпоративных споров, связанных с ответственностью.

2. Общая характеристика и структура исследования.

Методология.

Исследование является весьма масштабным по своему охвату: в нем рассматриваются проблемы ответственности исполнительных органов, а также участников и контролирующих лиц юридического лица перед юридическим лицом, проблемы субсидиарной ответственности при банкротстве, вопросы исключения участника из общества, ответственности перед кредиторами юридического лица и пр. Благодаря этому автору удалось рассмотреть вопросы ответственности в корпоративных отношениях комплексно, затронув, насколько это возможно, все аспекты исследуемой темы.

Исследование имеет логичную структуру. Проблемы ответственности в корпоративных отношениях рассматриваются

последовательно. Материал изложен автором понятно и доступно. Автор использует все основные общенаучные методы и методы юридической науки.

3. Объект, предмет, цель, задачи исследования.

Объектом диссертационного исследования автора выступают гражданско-правовые отношения, связанные с управлением юридическими лицами и привлечением к гражданско-правовой ответственности участников этих отношений. Автором была поставлена цель обосновать существование в гражданском праве особого вида гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами, установить отличительные особенности данного вида ответственности, исследовать отдельные виды такой ответственности и, исходя из их существа, определить основные направления совершенствования законодательства в рассматриваемой сфере общественных отношений.

Предметом исследования послужили научные представления и нормативные положения о гражданско-правовой ответственности в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами. Задачи исследования обусловлены его основной целью и полностью ей соответствуют.

4. Научная новизна исследования.

Количество выносимых на защиту выводов достаточно велико (их восемнадцать), что с учетом широты охвата исследуемых вопросов представляется оправданным.

В диссертации О.В. Гутникова на основе оригинального авторского взгляда на единую гражданско-правовую природу отношений, связанных с управлением юридическими лицами, предпринята попытка обосновать особый вид гражданско-правовой ответственности в таких отношениях, отличающийся от традиционных видов гражданско-правовой

ответственности (договорной и деликтной). При этом определяются основные виды такой ответственности (ответственность за корпоративные правонарушения и «квазикорпоративная ответственность», наступающая вне связи с совершением корпоративных правонарушений); выявляются и исследуются ее разновидности и характерные особенности, в том числе принципы, субъекты ответственности, основания и условия ее наступления. В частности, обосновывается принцип специалитета корпоративной ответственности, особо выделяется ответственность за корпоративный деликт, и дается его определение.

Актуальными видятся идея о необходимости развития в отечественном праве деликтной ответственности за причинение вреда относительным имущественным правам (стр. 361–388 диссертации) и основанное на этой идее предложение о полномасштабном введении в отечественное право ответственности за корпоративный деликт, понимаемый автором как причинение вреда относительным правам в связи с осуществлением деликвентом собственных корпоративных прав или корпоративных обязанностей, связанных с управлением юридическим лицом и установленных нормами корпоративного права (вывод двенадцать, выносимый на защиту, стр. 389–395 диссертации).

Несомненный интерес представляют выводы, имеющие политико-правовой характер, например, о необходимости унификации норм о различных видах корпоративной ответственности и их единообразного применения ко всем юридическим лицам при сохранении необходимой степени их дифференциации; о необходимости расширения круга лиц, привлекаемых к различным видам корпоративной ответственности.

Из отдельных положений работы можно отметить также, в частности, следующие: о возможности предъявления прямого иска к контролирующему участнику (восьмое положение, выносимое на защиту),

о строго ограниченных пределах «снятия корпоративных вуалей» (тринадцатое положение, выносимое на защиту).

5. Области применения сформулированных выводов.

Сформулированные в диссертации выводы и предложения могут быть использованы в правоприменительной практике, законотворческой деятельности, а также в ходе преподавания гражданского (в том числе корпоративного) права.

6. Дискуссионные положения.

Как и любая научная работа, диссертация О.В. Гутникова не лишена отдельных недостатков и дискуссионных положений.

6.1. Автор диссертационного исследования утверждает, что членство не является главным признаком корпоративных отношений (первое положение, выносимое на защиту). «Совершенно очевидно, - полагает автор - что никакого «права участия» как самостоятельного субъективного права попросту не существует, а есть лишь право на управление юридическим лицом, включающее в себя несколько управленческих (на управление делами, на распределение прибыли и т.д.) и связанных с ними иных правомочий (информационных, на обжалование решений органов юридического лица, признание недействительными сделок и т.д.)» (стр. 53 диссертации). Таким образом, автор считает, что именно право на управление является основным корпоративным правом. Изложенное приводит автора к выводу, что принципиальной разницы между унитарными и корпоративными организациями не существует (стр. 57-58 диссертации). В последнем случае имеется лишь «множественность лиц на стороне управления». Следовательно, в ходе реформы корпоративного законодательства (Федеральный закон № 99-ФЗ) была допущена ошибка в результате исключения унитарных организаций из сферы регулирования корпоративных отношений (стр. 54-55 диссертации).

Формула «право участия» в п. 1 ст. 65.1 Гражданского кодекса Российской Федерации не является абсолютно бесспорной. Однако вряд ли можно поддержать вывод автора о замене этого понятия на единое «право управления».

Как представляется, права, вытекающие из участия в юридическом лице, не могут быть сведены к праву управления. Принципиальный, определяющий для существа отношений по управлению юридическим лицом характер имеют имущественные отношения, складывающиеся по поводу долей в капитале (паев, акций).

Реализация права одного участника на управление вовсе не случайно предполагает согласование его воли с иными участниками. Это предопределено наличием общности интересов участников, проистекающей из объединения ими своего имущества и (или) из наличия возможности раздела прибыли. Именно поэтому поведение каждого участника должно быть нацелено на соблюдение интересов иных участников, что обуславливает в том числе возникновение особых отношений лояльности между ними. В связи с этим закон фиксирует не только право участника на управление, но и обязанность участвовать в управлении корпорацией (в ином случае могли бы нарушаться права иных участников).

Необходимость согласования воли участников корпорации порождает и возможность оспаривания участником тех решений собраний, которые, по его мнению, не представляют собой единую согласованную волю, отсюда же проистекает и право участника требовать исключения другого участника, затрудняющего деятельность корпорации.

Разумеется, нельзя не заметить и того, что коммерческое юридическое лицо унитарного типа (основанное на ограниченном вещном праве юридическое лицо) является скорее исключением, пережитком прежнего экономического уклада. Принципиальные различия в характере

вещного права на имущество юридического лица не могут позволить отождествить корпоративные и унитарные юридические лица.

6.2. Довольно неоднозначны рассуждения автора о том, что если одна сторона правоотношений вправе требовать определенного поведения от другой – это есть «частноправовая субординация». Автор полагает, что отношения по управлению в юридическом лице представляют из себя отношения власти и подчинения, то есть доведенное до абсолюта господство над юридическим лицом со стороны его участников (первое положение, выносимое на защиту). Не вполне ясны основания для такого теоретического суждения, как и последствия, вытекающие из него.

Поскольку для отечественной правовой доктрины определяющей является теория фикции, следует учесть, что еще Ф.К. Савиньи отмечал, что юридические лица – это «искусственные, допущенные в силу простой фикции субъекты», они подобны несовершеннолетним или умалишенным: от их имени выступают органы точно также, как от имени недееспособных действуют опекуны. Вряд ли кто-то в нашем правопорядке стал бы называть отношения между опекуном и подопечным отношениями власти и подчинения. Напротив, российская правовая наука обосновала в опеке совершенно обычное обязательственное правоотношение (внутреннее правоотношение представительства).

В то же время, продолжая анализ отношений по управлению юридическим лицом, автор отмечает, что «в основе возникновения таких отношений лежит принцип равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности участников». В чем же тогда выражаются последствия «частноправовой субординации»? Не есть ли такая «субординация» всего лишь обязательство одного лица перед другим? Именно такой вывод следует сегодня из подпункта 1 пункта 3 статьи 307.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

6.3. Автор обосновывается идеей о том, что в корпоративном праве не существует субъективного права на дивиденд (корпоративное право), поскольку вопрос о выплате или невыплате дивидендов решается на общем собрании и потому общество может и вовсе не принимать решение о выплате дивидендов, направив соответствующие средства (если таковые имеются) на расширение производства, рынков сбыта и проч.

Нельзя отрицать возможности участников (или их большинства) отказаться от выплаты дивидендов, однако это не дает оснований отрицать право участника на дивиденд, являющееся квинтэссенцией его экономических ожиданий от участия в обществе (во всяком случае модель хозяйственного общества это предполагает). То обстоятельство, что голосовавший за выплату дивидендов участник оказался в меньшинстве, означает лишь то, что в процессе согласования его воли с волей иных участников это согласование закончилось в силу закона и устава не в пользу миноритария.

С этой точки зрения скорее вызывает поддержку позиция автора относительно возможности требовать принудительного распределения прибыли (дивидендов) в условиях, когда мажоритарный участник в ущерб миноритариям не принимает решение об их распределении (не имея экономического обоснованного плана на резервирование прибыли¹). Для российских корпоративных отношений эта проблема является чрезвычайно острой, но проистекает она скорее из особенностей структуры капитала основных российских корпораций, сводящей практически на нет участие в обществе «сторонних» участников.

Представляется в значительно большей степени важной проработка системы отношений с участием миноритариев, поиск баланса их интересов и интересов мажоритариев, являющихся в России одновременно

---

¹ См., в частности: Cour de Cassation, Chambre civile 3, 22 avril 1976, n°74-15.098.

менеджерами или тесно связанных с ними. Вместо этого автор отрицает право на дивиденд.

6.4. Автор выдвигает тезис о том, что в корпоративном праве должен преобладать императивный метод регулирования. При этом такое утверждение, по мнению автора, справедливо в отношении как публичных, так и непубличных корпораций, что противоречит довольно распространенным взглядам, исходящим из принципа диспозитивности в регулировании непубличных корпораций. Ключевые доводы автора в пользу такого подхода заключаются в том, что корпоративные отношения основаны на началах «частноправовой субординации» (упоминавшейся выше), а также на принципе отделения имущества учредителей от имущества самого юридического лица (стр. 99 диссертации).

Наука корпоративного права в России, как видится, излишне поглощена абстрактными рассуждениями о диспозитивном и императивном методах. Большинство специалистов в области корпоративного права разделились на два лагеря – сторонников императивного метода и диспозитивного соответственно. Диссертант зачастую спешит отнести себя к тому или иному лагерю, впоследствии ссылаясь на тот или иной подход как на аксиому при освещении конкретных проблем. Обозначенные два подхода нередко преподносятся в работе как противостояние «англо-американского» подхода и «континентально-европейского» (главным образом, немецкого), что с большой долей условности можно считать справедливым. Полагаем, что это является совершенно неоправданным упрощением.

Более того, проблема имеет более глубокий характер с позиции методологии права, а абстрактные высказывания в данном случае не способны привести к необходимым практическим выводам. Каким образом идея о преобладании императивного метода оправдывает либо опровергает диспозитивность норм о преимущественном праве покупки

доли в обществе с ограниченной ответственностью? Да и следует ли вообще продолжать диспут о преобладании одного из методов?

Презумпция императивности в условиях, когда не усматривается заслуживающего защиты интереса, который обосновывал бы такую презумпцию, заставляет правопорядок работать «вхолостую», а, возможно, даже во вред социально-экономическим отношениям. Как справедливо, в частности, отмечает К.Бюлер, «государство обязано сбалансировать свободу, необходимую для процветания экономики, с легитимными интересами защиты акционеров, публичных интересов и иных участников корпоративных отношений. Оно не должно при этом вмешиваться в процесс принятия предпринимательских решений, а только обеспечить, чтобы в корпоративных отношениях была обеспечена необходимая система «сдержек и противовесов». При этом он подчеркивает, что каждый конкретный случай должен оцениваться на предмет диспозитивности или императивности с учетом соответствующих политико-правовых доводов².

6.5. Не вполне ясно, на чем основано утверждение автора о том, что «деликтное право не предусматривает конструкции «косвенного» иска» (стр. 129 диссертации). В частности, в иных правопорядках имеют место различные виды косвенных деликтных исков (выделяются также договорные и деликтные косвенные иски в корпоративных отношениях)³. Препятствий для такого вывода, как представляется, не имеется и в российском праве.

6.6. Одной из ключевых позиций диссертационного исследования О.В. Гутникова является обоснование наличия особой корпоративной ответственности (стр. 379 диссертации) в гражданском (корпоративном) праве – ответственности, отличной как от договорной, так и от деликтной (четвертое положение, выносимое на защиту). Выдвижение какого-либо

---

² С. Bühler. Zwingendes Aktienrecht: Rechtfertigungsgründe und Alternativen. GesKR. 2014, S. 40.

³ См. напр. Чичакин Р.А. Косвенные иски: сравнительно-правовой анализ Франции, Италии и России // Вестник гражданского права. 2018. № 5. С. 7- 49.

нового тезиса, в частности, о необходимости применения особого подхода или особой теории, налагает на ученого бремя обоснования несостоятельности текущих подходов и теорий соответственно. Иначе наука попросту не способна развиваться, она будет представлять собой совокупность независимых суждений, которые не будут способствовать ее продвижению к получению нового знания.

Диссертант доказывает необходимость выделения особой корпоративной ответственности. Во-первых, он говорит о том, что Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» «чрезмерно расширяет понятие контролирующих лиц, а также увеличивает число случаев привлечения к субсидиарной ответственности и упрощает порядок такого привлечения» (с последующими рассуждениями о текущей ситуации в этой сфере стр. 125 диссертации). Во-вторых, автор анализирует судебное дело по иску компании «Роснефть» к ПАО «АФК «Система» о взыскании убытков, причиненных компании «Башнефть». В-третьих, автор подробно анализирует постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2017 г. № 39-П.

Таким образом, как представляется, в изложенных примерах автор все же не обсуждает (а главное, не доказывает убедительно), каким образом именно сложившиеся в современном праве подходы, исходящие из деликтной или договорной ответственности, приводят к несправедливым результатам (или иным неприемлемым для правопорядка последствиям).

Идея особой корпоративной ответственности красной нитью пронизывает всю диссертацию. По мнению автора, она имеет значительные особенности, которые, в частности, заключаются в следующем (пятое положение, выносимое на защиту).

Во-первых, имеются «сложности определения причинно-следственной связи между противоправным поведением и негативными

последствиями корпоративного правонарушения, влекущей необходимость установления в законе типовых доказательственных презумпций наличия причинной связи». Действительно, в корпоративном праве существует ряд презумпций (которые, как правило, не закреплены в законе), опосредующих установление причинно-следственной связи (например, положения пунктов 2 и 3 постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 "О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица" применительно к ответственности директоров). Следует отметить, что обозначенный автором тезис носит явно описательный характер – сложно спорить с тем, что в сфере ответственности, в частности, директоров сложились особые доказательственные презумпции. Однако они не обусловлены выделением особого вида корпоративной ответственности – тот же самый подход может использоваться законодателем и правоприменителем, если они будут придерживаться договорной природы такой ответственности.

Во-вторых, к особенностям «корпоративной» ответственности относится «презумпция невиновности, требующая ее опровержения, применяемая в большинстве видов корпоративной ответственности» (стр. 24 диссертации). Это далеко небесспорное утверждение, поскольку, например, в конструкции одной из самых распространенных разновидностей «корпоративной» ответственности – ответственности единоличных (коллегиальных) исполнительных органов юридического лица – наблюдается совершенно иная картина: для привлечения директора к ответственности в силу пункта 1 статьи 53.1 ГК РФ доказывается только то, что при осуществлении своих прав и исполнении обязанностей директор действовал недобросовестно и неразумно (объективный стандарт). Закон требует доказывания факта нарушения обозначенных обязанностей, а не вины как таковой, что могло бы обосновываться также и в соотношении с пунктом 2 статьи 401 ГК РФ, но по понятным причинам

обосновано будет не скоро. С учетом довольно печального состояния доктрины вины в отечественной цивилистике тезис о презумпции невиновности директора вряд ли может быть положен в основу доказывания особой «корпоративной» ответственности.

В-третьих, автор пишет о «применении «правила делового решения», исключающего ответственность...», которое выражается по существу в том, что если директор приложил максимальные усилия (действовал в рамках соблюдения необходимых процедур, получив необходимую информацию и пр.) для достижения результата, то он не отвечает за недостигнутый результат. Однако аналогичный подход используется применительно ко всем услуговым договорам, что может служить дополнительным подтверждением договорной природы ответственности директора⁴. Экономическая природа отношений между обществом и директором требует отнесения на общество тех рисков изменения конъюнктуры, которые невозможно предвидеть, что отражается в правилах об ответственности директора за недобросовестное и неразумное поведение. Однако неясно, почему при этом такая ответственность не может считаться договорной.

В-четвертых, автор утверждает, что в корпоративном праве существует «специфическое понимание противоправности и вины при нарушении обязанности действовать добросовестно и разумно: противоправность, выражающаяся в нарушении фидуциарных обязанностей действовать добросовестно или разумно, совпадает с виной при недобросовестности и отличается от вины при нарушении обязанности действовать разумно» (стр. 24 диссертации). Представляется, что в этом тезисе отражены все недоразумения, сложившиеся в отечественной науке применительно к вопросу о вине. Более того, тезис

---

⁴ О договорном характере ответственности директора и услуговой природе обязательства между директором и обществом см. Тычинская Е.В. Договор о реализации функций единоличного исполнительного органа хозяйственного общества. М.: Статут, 2012. 175 с.

этот мог бы быть применен и к ответственности по любому договорному обязательству, в котором сторона имеет определенный простор при осуществлении своих правомочий и стеснена только соображениями добросовестности и разумности (например, к доверительному управлению имуществом).

В-пятых, особая природа корпоративной ответственности оправдывается категориями «особые негативные последствия корпоративных правонарушений» и «особые меры корпоративной ответственности», которые имеют описательный характер и предстают при этом как совершенно разнородные явления. Известно, что ответственность за нарушение договора многими учеными отнюдь не ограничивается такими формами, как неустойка и убытки, в понятие ответственности включают уменьшение покупной цены, потерю задатка и пр.

Наконец, в-шестых, с особой «корпоративной» ответственностью в работе связываются «процессуальные особенности рассмотрения споров о привлечении к корпоративной ответственности» (стр. 25 диссертации). Вместе с тем такие особенности никак не могут предопределять материально-правовой квалификации применяемых к нарушителю мер. Процессуальное законодательство решает иные задачи, обусловленные необходимостью обеспечения максимально справедливой процедуры разрешения спора, тем более что, традиционно в континентальных правовых порядках процесс является вторичным по отношению к материальному правоотношению.

Следует также отметить, что основания для применения перечисленных автором последствий особого характера «корпоративной» ответственности совершенно различны и объединение их внутри единой категории выглядит в целом искусственным.

Спорным является объединение автором в одном исследовании вопросов ответственности в корпоративных отношениях и вопросов

ответственности контролирующих лиц при банкротстве, поскольку эти институты имеют концептуально разное место в системе права и разное назначение. Если ответственность органов юридического лица предопределяется существом обязательственного (договорного) правоотношения между лицами, входящими в состав этих органов, и самим юридическим лицом, то ответственность при банкротстве – это часть общей проблемы деликтной ответственности представителя перед контрагентом, которая подлежит разрешению по большому счету вне зависимости от личности представляемого (например, если гражданин нанял управляющего для ведения своего бизнеса, то управляющий будет отвечать перед его кредиторами на тех же условиях, что и директор юридического лица). В этой связи некоторым недостатком работы является то, что в ней не использованы работы по представительству (труды Н.О. Нерсесова, В.А. Рясенцева и современных авторов).

Ключевым практическим следствием обосновываемой автором концепции особой «корпоративной» ответственности, как видится, является принцип специалитета, в силу которого ответственность должна наступать только на тех основаниях, при тех условиях и в отношении тех субъектов, которые прямо (*expressis verbis*) указаны в законе, учредительных документах юридического лица или в корпоративном договоре. Автор предлагает закрепить этот принцип непосредственно в законе (стр. 171 диссертации). Кроме того, автор подчеркивает недопустимость конкуренции между деликтным или корпоративным иском из корпоративных правонарушений («корпоративная» ответственность должна вытеснять деликтную). Заметим, что недопустимость конкуренции исков отнюдь не является «традиционной для стран европейского континентального права», поскольку, как известно, в Германии она допускается (принцип *non-cumul* воспринят главным образом французским правом).

Изложенное приводит автора, в частности, к следующему выводу. При ненаправлении покупателем крупного пакета акций обязательного предложения текущим акционерам (глава 11.1 Федерального закона «Об акционерных обществах») негативные последствия для него четко определены и состоят в ограничении права голоса и привлечении к административной ответственности. Таким образом, автор исключает возможность использования текущими акционерами каких-либо иных способов защиты, в том числе взыскания убытков. В подтверждение своей позиции автор при этом ссылается на определение Верховного Суда РФ от 4.02.2016 № 305-ЭС15-18649, в котором текущим акционером было предъявлено требование о понуждении выкупить акции (а не о взыскании убытков). Суды ему отказали, указав, что таких последствий ненаправления обязательного предложения закон не предусматривает. Вместе с тем такой подход привел бы к очевидно несправедливым результатам – приобретатель может вовсе игнорировать требование о направлении обязательного предложения, купив достаточный пакет акций, чтобы 30% предоставляли ему необходимое большинство на общем собрании. Диссертант игнорирует прямую норму ГК РФ о возможности судебного понуждения к исполнению обязательства в натуре (ст. 308.3 ГК РФ), хотя в ряде мест в работе упоминается и даже не подвергается сомнению правило подпункта 1 пункта 3 статьи 307.1 ГК РФ. При этом, например, автор положительно отзывается о возможности применения прямых исков одного участника к другому (напр. стр. 495 диссертации).

Странным с точки зрения учения о способах защиты гражданских прав выглядит суждение О.В. Гутникова (стр. 164): «субъективное корпоративное гражданское право обладает известной спецификой. Это не обычное имущественное право (вещное, обязательственное или исключительное), а право на управление юридическим лицом со всеми входящими в его состав правомочиями и субправомочиями. Определить

наличие убытков, возникших от нарушения права на управление, не всегда возможно, и они не всегда очевидны. Поэтому не во всех случаях нарушения корпоративного права следует предоставлять возможность взыскания убытков».

6.7. Автор диссертационного исследования полагает, что фидуциарные обязанности существуют только применительно к контролирующим участникам (акционерам) (восьмое положение, выносимое на защиту). Такой вывод обосновывается на положениях п. 3 ст. 53 ГК РФ (стр. 148 диссертации). Следует признать, что это довольно распространенная точка зрения, в том числе за рубежом и главным образом в США (в частности, в штате Делавэр).

Однако идея фидуциарных обязанностей не связана с корпоративной властью, а обусловлена членством в корпорации. Потому любой член корпорации несет такие обязанности вне зависимости от уровня корпоративного влияния, хотя, безусловно, «с большим влиянием приходит и большая ответственность» (ориг. на англ.: «with great power comes great responsibility»). Основана эта ответственность в российском праве, как представляется, на положениях п. 3 ст. 53 и п. 4 ст. 65.2 ГК РФ.

Существует два распространенных взгляда на истоки фидуциарных обязанностей участника корпорации: это идея достижения общего интереса в рамках отношений товарищества (как прообраза всех юридических лиц корпоративного типа) и принцип добросовестности в гражданском праве⁵, причем оба подхода приводят в целом к одинаковым результатам.

Было бы неверно отрицать наличие фидуциарных обязанностей у миноритарных участников. Стоит отметить, что зарубежная практика знает примеры, когда суды были вынуждены признать наличие у миноритарных участников (акционеров) фидуциарных обязанностей (см. BGN, 20.03.1995

---

⁵ Christian Hofmann. Der Minderheitsschutz im Gesellschaftsrecht. De Gruyter. S. 25-34.

- II ZR 205/94). Во Франции, в частности, сформировалась концепция «злоупотребления миноритарной позицией» (*abus de minorité*)⁶.

Диссертант отмечает, что фидуциарная обязанность в ряде случаев может быть введена в отношении миноритарных участников (седьмое положение, выносимое на защиту, абзац третий), однако неясно, какое под это подводится основание с учетом восьмого положения, вынесенного на защиту, а также какие случаи имеются в виду.

6.8. Автор вслед за звучавшими в российской литературе предложениями (см., напр., диссертацию Т.С. Бойко) призывает к необходимости введения в качестве общего правила института прямой ответственности участника перед другим участником, обосновывая этот тезис тем, что косвенный иск других участников о возмещении убытков в пользу корпорации не всегда эффективен (стр. 494 диссертации). Вместе с тем эта мысль вступает в противоречие с рядом иных высказываний диссертанта (например, как справедливо отмечает сам автор, убытки, причиняемые участникам, являются отраженными от убытков самого общества) и не выражена в достаточной мере ясно.

6.9. В диссертации поднят довольно интересный и актуальный вопрос о наличии фидуциарных обязанностей директоров по отношению к кредиторам и о возможности прямого иска последних к директору (стр. 148 диссертации). Эта крайне актуальная проблема занимает и зарубежные правовые порядки. Однако, к сожалению, автор ограничился при изучении зарубежного опыта переводными текстами законодательных актов иностранных юрисдикций (стр. 243 – 244 диссертации), хотя, как известно, тексты законов в истолковании судов и интерпретации доктрины приобретают порой новое наполнение и принципиально иное содержание, чем представляется на первый взгляд.

---

⁶ см. Cass. Com. 18 June, 2002 n° 99-11999; Cass. com., 5 mai 1998, n° 96-15383.

О.В. Гутников, по существу, обосновывает возникновение особых фидуциарных обязанностей по отношению к кредиторам в условиях наступления объективного банкротства (стр. 394 диссертации). Следовательно, кредиторы потенциально могли бы предъявить требование напрямую к директору в условиях недостаточности имущества для удовлетворения их требований. В данном случае возникает ряд серьезных вопросов. Если директор нарушает свои обязанности, почему он должен отвечать перед кредиторами, а не перед участниками (акционерами)? Почему кредиторы не должны инициировать дело о банкротстве? Должен ли быть иск кредиторов косвенным (возмещение в пользу компании) или прямым (в пользу кредиторов)?

Во Франции Кассационный суд при применении L. 225-251 Коммерческого кодекса (о взыскании убытков напрямую с директора) исходит из того, что ущерб, понесенный кредитором, должен быть, во-первых, отличным от ущерба, понесенного обществом и, во-вторых, нарушение обязанностей директором должно быть отличным от его функций (*faute séparable de ses fonctions*)⁷. Однако подобных ограничителей нет в Италии (ст. 2394 Гражданского кодекса Италии), что вызывает вопрос о том, чьи интересы должны преобладать – акционеров или кредиторов – при нарушении директором фидуциарных обязанностей и недостаточности имущества для удовлетворения требований кредиторов. В немецкой литературе отмечается, что на практике возможность предъявления таких требований крайне ограничена - фактически они могут предъявляться только если для процедуры банкротства нет средств (*masselosen Insolvenz*)⁸.

Кроме того, неоднозначной является идея о том, что участники должны нести фидуциарные обязанности перед членами органов

---

⁷ Cour de cassation 10 février 2009 n° de pourvoi: 07-20445; Cour de cassation 20 mai 2003 n° de pourvoi: 99-17092.

⁸ H.C. Grigoleit. Aktiengesetz Kommentar § 93. 1. Auflage. 2013. Rn. 79-83.

управления (седьмое положение, выносимое на защиту). Это крайне спорная позиция, поскольку члены органов управления, строго говоря, ведут чужое дело. Высшим органом, формирующим волю юридического лица, является общее собрание. Участники, соответственно, уполномочены от имени общества взыскивать убытки с менеджмента. Следовательно, органы управления подотчетны общему собранию, поэтому участники не могут нести фидуциарных обязанностей перед членами органов управления - также, как, например, хозяин дела не должен действовать в интересах поверенного, комиссионера, агента и проч.

Небесспорна и идея существования фидуциарных обязанностей членов органов управления перед участниками (а не перед юридическим лицом).

6.10. Автор выносит на защиту тезис о том, что корпоративная ответственность должна быть персонифицирована и потому директор должен отвечать лишь за свои собственные действия, а не за действия третьих лиц, в том числе работников, представителей или кредиторов (шестое положение, выносимое на защиту).

Полагаем, что обозначенная позиция не учитывает следующего обстоятельства. Директор, строго говоря, отвечает не за действия третьих лиц, а за нарушение собственных обязанностей, состоящих в «организации системы управления юридическим лицом» (п. 5 постановления Пленума № 62). В целом из такого подхода исходит подавляющее большинство правопорядков, в частности, в Германии выделяются ответственность директора за организацию контроля в компании (*Organisationsverantwortung*), обязанность быть информированным (*Informationsverantwortung*), обязанность контроля за законностью действий подконтрольных лиц (*Legalitätskontrolle*), при этом степень интенсивности таких обязанностей, безусловно, определяется в зависимости от конкретных обстоятельств и масштабности бизнеса. Это

позволяет не относить автоматически на директора любые просчеты его работников (и иных лиц).

В постановлении Пленума ВАС РФ № 62 отмечается, что «при оценке добросовестности и разумности подобных действий (бездействия) директора арбитражные суды должны учитывать, входили или должны ли были, принимая во внимание обычную деловую практику и масштаб деятельности юридического лица, входить в круг непосредственных обязанностей директора такие выбор и контроль, в том числе не были ли направлены действия директора на уклонение от ответственности путем привлечения третьих лиц». Не соглашаясь с пунктом 5 постановления Пленума и присоединяясь к ряду высказываний отечественных ученых, диссертант пишет от том, что «директор несет по существу безграничную ответственность за действия всех лиц, привлекаемых директором от имени юридического лица к исполнению тех или иных обязанностей, в том числе за действия работников, представителей, контрагентов по гражданско-правовым договорам» (стр. 247 диссертации).

Означает ли такой подход полное исключение из круга обязанностей директора деятельности по организации системы управления юридическим лицом?

Данная проблема решается не путем перечисления случаев, в которых директор отвечает за ошибки персонала или за нарушения со стороны контрагентов, и не путем перечисления случаев, в которых он за это не отвечает. Ее решение возможно только после определения природы правоотношения между лицом, выполняющим функции органа, и самим юридическим лицом. Если не видеть в этом правоотношении договорного обязательства и если не выстраивать на базе этого концепцию договорной ответственности, то можно еще долго не найти принципа, который должен быть положен в основу решения проблемы ответственности директора за ненадлежащее управление.

6.11. Вызывает интерес дискуссия о возможности возложения на директора убытков, вызванных уплаченными компанией публично-правовыми штрафами. Довольно спорно утверждение автора о том, что «обязанность действовать в интересах общества добросовестно и разумно, установленная корпоративным законодательством, носит самостоятельный характер и напрямую не связана с обязанностью соблюдать законы, положения устава и иные документы общества» (стр. 233 диссертации). Нельзя признать директора добросовестным, если он осознанно нарушил требования закона и, более того, если компания вследствие этого была привлечена к публично-правовой ответственности. Как справедливо отмечается в литературе, «закон не должен косвенно санкционировать нарушение иных требований законодательства, это приводило бы к внутреннему противоречию закона, тогда как освобождение директора от ответственности, пусть и гражданско-правовой, было бы в известном смысле таким косвенным стимулом не соблюдать публично-правовые требования»⁹.

С другой стороны, небезосновательны рассуждения о том, что желаемый эффект публично-правовой санкции (в частности, в сфере антимонопольного права – оборотных штрафов) в таком случае не достигает своей цели, поскольку нарушается публичная цель наложения ответственности именно на юридическое лицо, при том что санкция в отношении директора существенно отличается (директор также может быть привлечен государственным органом к публичной ответственности самостоятельно и одновременно с компанией). Более того, в случае неограниченного перекладывания публично-правовых штрафов на директора он начинает нести неоправданное бремя, что вступает в

---

⁹ Кузнецов А.А. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // Вестник ВАС РФ. 2013. № 10. С. 42 - 64.

противоречие с природой правоотношения между директором и компанией.

6.12. Автор предпринимает попытку обосновать необходимость введения в корпоративное право компенсации как специальной меры корпоративной имущественной ответственности, в том числе применяемой в корпоративных договорах, то есть как денежной суммы, размер которой будет определяться не сторонами в договоре, а судом в зависимости от характера и степени тяжести нарушения (стр. 428-429 диссертации).

Представляется верной позиция, в соответствии с которой компенсация, закрепленная в Федеральном законе «Об акционерных обществах», по существу ничем не отличается от неустойки. В случае с компенсацией за нарушение интеллектуальных прав ее существование объясняется затруднительностью доказывания убытков в этой сфере, хотя не все правопорядки знают такую разновидность гражданско-правовой ответственности.

К сожалению, диссертант не приводит убедительных аргументов в пользу использования аналогичной меры в корпоративных правоотношениях.

6.13. Применительно к ответственности контролирующих лиц при банкротстве автор полагает, что «законодатель выбрал ненадлежащую для этого конструкцию субсидиарной ответственности по обязательствам юридического лица, в то время как на самом деле речь должна идти о прямой ответственности контролирующих должника лиц за убытки, причиненные их неправомерными действиями имущественным правам кредиторов». Автор рассматривает конструкцию субсидиарной ответственности как «искусственную и совершенно не нужную» (стр. 527 диссертации) и потому считает, что «в связи с этим целесообразно отказаться от конструкции субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, развивая вместо этого доктрину

причинения контролируемыми лицами прямого вреда кредиторам путем нарушения их имущественных прав. Так называемая субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц есть не что иное, как ответственность третьих (контролирующих) лиц за вред, причиненный относительным имущественным правам кредиторов, и она должна регулироваться отдельно от правил о корпоративной ответственности, предусмотренных ст. 53.1 ГК РФ» (семнадцатое положение, выносимое на защиту).

Более того, автор полагает целесообразным привлекать контролирующих лиц к прямой ответственности вне зависимости от дела о банкротстве. Однако одновременно с этим в другом месте работы диссертант отмечает, что целесообразно предоставлять кредиторам право выбора: либо заявлять требования к контролируемому лицу от имени должника в деле о банкротстве, либо заявлять отдельный прямой иск от своего имени к контролируемому лицу вне дела о банкротстве. В то же время автор призывает отказаться от субсидиарной ответственности контролирующих лиц при банкротстве, хотя, строго говоря, конструкция субсидиарной ответственности и есть требование с возмещением в пользу конкурсной массы.

Представляется необходимым поддержать иную позицию. Такая ответственность является деликтной, то есть ответственностью за причинение вреда кредиторам путем виновного доведения компании до банкротства, о чем, в частности, красноречиво свидетельствуют многочисленные отсылки в постановлении Пленума ВС РФ № 53 к общим нормам ГК РФ о причинении вреда (пп. 2, 5, 6, 11, 14, 21 и далее).

С другой стороны, небесспорным и недостаточно обоснованным представляется предложение автора отказаться от субсидиарной ответственности контролирующих лиц в пользу прямого иска кредиторов к контролирующим лицам. В предлагаемой модели, очевидно, присуждение

будет осуществляться в обход конкурной массы, а это крайне опасно с точки зрения обеспечения равного удовлетворения кредиторов в рамках банкротства. Наиболее активные кредиторы могут добиться привлечения к прямой ответственности контролирующих лиц, однако, подрывая жизнеспособность общества теми или иными действиями (выводом активов и пр.), последние причиняют вред всем кредиторам.

6.14. Представляются справедливыми тезисы автора о том, что исключение из корпорации может применяться независимо от вины нарушившего данную обязанность лица (наличие вины по признанию многих зарубежных правопорядков исключаемого участника не является обязательным – ключевым критерием является невозможность или недопустимость дальнейшего ведения общего дела, причиной чему является исключаемое лицо), а также о принципиальной возможности исключения мажоритарного участника (никакая доля владения в обществе не дает «карт-бланш» на совершение действий, нарушающих корпоративные обязанности действовать в интересах общества и иных участников в силу принципа равного отношения к последним).

Вместе с тем мысль о том, что решение об исключении должно основываться на решении общего собрания участников, не нова и, более того, известна многим правопорядкам. Однако диссертант недостаточно внимания уделяет аргументам против такого решения (возможность блокирования решения об исключении другим участником, являющимся по существу соучастником исключаемого лица; иск об исключении предъявляется в защиту интересов общего дела, а не только сугубо собственных, потому одобрение общего собрания не может быть необходимым условием).

6.15. Требуется дополнительной аргументации тезис о том, что «оптимальным решением было бы принятие нормы, позволяющей суду по своей инициативе принимать решение о принудительной ликвидации

юридического лица, если сами участники, требующие исключения друг друга из общества, не могут договориться о ликвидации или принять решение о выходе кого-либо из них из общества» (стр. 473 диссертации).

7. Общий вывод.

Диссертация Гутникова Олега Валентиновича «Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами», представленная на соискание ученой степени доктора юридических наук, написана на актуальную тему, имеет самостоятельный характер, большинство сформулированных в работе идей обладает научной новизной. Основные результаты диссертационного исследования опубликованы соискателем в научной печати (в том числе в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАКом РФ) и обсуждались на научных форумах.

Автореферат по своему содержанию соответствует основным положениям диссертации.

Замечаний по оформлению диссертации и автореферата нет.

Диссертация соответствует научной специальности 12.00.03 – «гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право».

Диссертация соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям в соответствии с Положением о присуждении ученых степеней (утв. Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 г. № 842), а ее автор – Гутников Олег Валентинович – заслуживает присуждения ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право.

Отзыв подготовлен в отделе законодательства о юридических лицах, обсужден и утвержден на совещании научных сотрудников Исследовательского центра частного права (протокол заседания от 13.03.2019 г. № 1).

Заместитель председателя
совета (руководителя), к.ю.н.

С.А. Денисов

Подпись Денисова С.А. удостоверяю:
Консультант дирекции

15.03.2019

Корнюшин Сергей Александрович